

**Сборник Императорского русского
исторического общества**

Том 12

УДК 304
ББК 60.5
С23

С23 Сборник Императорского русского исторического общества: Том 12 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 528 с.

ISBN 978-5-4241-5859-9

Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе.

ISBN 978-5-4241-5859-9

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

9 марта 1870 г. Государю Великому Князю Наслѣднику Цесаревичу угодно было выразить желаніе, чтобы Русское Историческое Общество обратило особенное вниманіе на изданіе бумагъ, относящихся къ царствованію Императрицы Екатерины II.

Согласно съ симъ, Государственный Канцлеръ Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, испросивъ на то 21 марта того же года Высочайшее соизволеніе, разрѣшилъ академику Пекарскому приступить къ изданію бумагъ Императрицы Екатерины, хранящихся въ Государственномъ архивѣ *); одновременно Общество обратилось къ Россійскимъ посольствамъ съ просьбою, извлечь по возможности изъ иностранныхъ архивовъ хранящіяся въ нихъ письма Императрицы, донесенія и депеши находившихся въ Россіи посланниковъ.

Послѣдствіемъ этого приглашенія было доставленіе Обществу весьма интересныхъ бумагъ изъ Стокгольма, Вѣны и Штутгарда; но самый богатый историческій матеріалъ былъ доставленъ изъ Лондона. Вслѣдствіе отношенія Русскаго посла при Великобританскомъ дворѣ, графа Ф. И. Брунова, къ министру Иностранныхъ дѣлъ графу Гренвилю, Англійское правительство немед-

*) См. 7 и 10 томы Сборника Русскаго Историческаго Общества. Послѣ смерти П. П. Пекарскаго продолженіе этого изданія принялъ на себя академикъ Я. К. Гротъ.

ленно открыло совѣтнику посольства, дѣйствительному статскому совѣтнику М. Ф. Бартоломею, доступъ въ архивы и министерства Иностранныхъ дѣлъ (Foreign Office) и Государственный (State paper Office).

По свидѣтельству М. Ф. Бартоломея бумаги въ этихъ архивахъ сохраняются въ величайшемъ порядкѣ; депеши Англійскихъ посланниковъ и инструкціи статсъ-секретарей по Иностраннымъ дѣламъ переплетены погодно, переписка съ правительствами каждаго государства хранится отдѣльно и имѣетъ свою особенную нумерацію; такимъ образомъ просматривающій эти переплетенныя книги, вмѣщающія рядъ занумерованныхъ бумагъ, получаетъ увѣренность, что отъ него ничего утаено не было; такая увѣренность подкрѣпляется внимательнымъ просмотромъ этихъ книгъ. По словамъ М. Ф. Бартоломея онъ не нашелъ нигдѣ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы какая либо бумага была опущена, или скрыта *). По мѣрѣ снятія копій, онѣ подвергались просмотру чиновника Государственного архива, а возбуждаемые имъ сомнѣнія переходили на судъ чиновника министерства Иностранныхъ дѣлъ, но эта двойная цензура не принесла нашему изданію вреда.

Все серьезное, все сколько нибудь исторически важное осталось неприкосновеннымъ, отложено лишь весьма незначительное число бумагъ, содержащихъ почти исключительно неблагоприятныя слухи о подробностяхъ семейной жизни извѣстныхъ въ то время лицъ. Просвѣщенные представители въ настоящемъ случаѣ Англійскаго правительства, гг. Бингстонъ и Хертслетъ, не признавали историческаго значенія за сваддалезными разсказами, за случайными, минутными сплетнями, о которыхъ не могли подчасъ не упоминать въ своихъ депешахъ посланники того времени. Раздѣляя такой взглядъ своихъ Ан-

*) Если большинство сдѣланныхъ имъ выписокъ озаглавлены словомъ «экстрактъ», то не потому, что какая-либо бумага была выдана въ извлеченіи, а не въ подлинникѣ, но потому только, что М. Ф. Бартоломей признавалъ излишнимъ выписывать увѣдомленія о полученіи депешъ изъ Лондона, подробностей о личности и путешествіи курьера, и т. под. свѣдѣній, неизбежно встрѣчающихся въ дипломатическихъ перепискахъ и не имѣющихъ интереса.

гліискихъ ценсоровъ, Русское Историческое Общество считаетъ обязанностью выразить имъ здѣсь свою глубокую признательность за то въ высшей степени обязательное содѣйствіе, которое они выказали въ настоящемъ случаѣ. Вся дипломатическая переписка представителей Англійскаго правительства при дворѣ Императрицы Екатерины II была выдана тотчасъ по воспослѣдованіи разрѣшенія министерства Иностранныхъ дѣлъ, никакой задержки ни въ присканіи, ни въ просмотрѣ этихъ бумагъ не было; дружелюбное объясненіе, чуждое желчнаго самолюбія, устраняло всякое сомнѣніе, при чемъ интересы науки никогда не бывали приносимы въ жертву; все это даетъ Русскому Историческому Обществу право принести гг. Кингстону и Хертслету искреннюю благодарность отъ лица всякаго Русскаго, кому дороги успѣхи отечественной исторіи.

Предлагаемые въ настоящемъ томѣ матеріалы отчасти уже были напечатаны; профессоръ Раумеръ въ сборникѣ своемъ «*Beiträge zur neueren Geschichte aus dem britischen Museum und Reichsarchive von Friedrich v. Raumer. Leipzig, 1836 und 1839*» и издатель книги «*La Cour de Russie il y a cent ans*» обнародовали въ нѣмецкомъ и французскомъ переводахъ извлеченія изъ хранящихся въ лондонскомъ и парижскомъ архивахъ документовъ; къ сожалѣнію сопоставленіе этихъ извлеченій и основанныя на нихъ заключенія не отличаются безпристрастіемъ, особливо когда рѣчь идетъ о Россіи. Болѣе полное изданіе матеріала, служившаго поводомъ для распространенія неблагоприятныхъ о нашемъ отечествѣ свѣдѣній, возстановляя историческую истину, далеко не повредитъ нашей народной и государственной славы.

Настоящій томъ объемлетъ пространство времени съ начала 1762 г. до конца 1769 г. и содержитъ депеши Роберта Кейта, графа Букингамскаго, Георга Макартнея, Генриха Ширлея и лорда Каскарта. Робертъ Кейтъ былъ отозванъ осенью 1762 г., по собственному его сознанію какъ лице, не пользовавшееся расположеніемъ Государыни; понятно, что его депеши, передающія впрочемъ извѣстныя уже подробности о вступленіи Императрицы Екатерины II на престоль, не отличаются снисходи-

тельностью къ новому порядку. Графъ Букингамскій пріѣхалъ въ Москву, гдѣ тогда находился дворъ, въ октябрѣ 1762 г. На пріемной аудіенціи Букингамъ сказалъ рѣчь свою по англійски и Императрица отвѣчала ему по русски; въ тотъ же день онъ провелъ вечеръ при дворѣ и остался очарованъ привѣтливостью Государыни. Заключение торговаго договора было главною цѣлью посольства Букингама, онъ тотчасъ принялся за переговоры, но получилъ въ отвѣтъ, что Императрица не желаетъ заключать договора прежде, чѣмъ положеніе дѣлъ выяснится окончаніемъ происходившихъ въ то время въ Европѣ мирныхъ соглашеній, окончившихся вслѣдъ за тѣмъ 10-го февраля 1763 г. Парижскимъ трактатомъ, а 15-го февраля того же года Губертсбургскимъ миромъ. Дѣлать было нечего и, вмѣсто торговаго договора, приходилось заняться придворными празднествами; среди нихъ конечно можно было осматривать и изучать людей, но изученіе это приводило Букингама постоянно къ тому же заключенію, что, по талантамъ, образованію, трудолюбію, выше всѣхъ стоитъ сама Государыня, что обстоятельства шатки, вліянія переменчивы, но не смотря на то чувствуется ея руководящая сила, людей еще не видно, но эта сила ихъ выдвинетъ. Повременивъ немного, посолъ возвратился къ вопросу о торговомъ трактатѣ, но ему отвѣчено было, что за чрезмѣрными занятіями Императрицы дѣло это отложено до возвращенія Ея Величества въ Петербургъ. Наконецъ, въ августѣ 1763 г., Букингаму былъ врученъ проектъ торговаго трактата; но подписаніе этого трактата должно было послѣдовать лишь послѣ заключенія оборонительнаго союза, котораго главныя условія касались во первыхъ, выбора преемника польскому королю и, во вторыхъ, политики относительно Швеціи. Условія эти были признаны великобританскимъ правительствомъ невозможными (inadmissible). Англія находила, что вопросъ о престолонаслѣдіи въ Польшѣ не касается ее прямо и признавала преждевременнымъ касаться этого вопроса при жизни царствовавшего короля. Императрица замѣтила послу, что какъ для Англіи, такъ и для Россіи важно не допускать на польскій престолъ кандидата враждебныхъ имъ бурбонскихъ домовъ, а смерть, постигшая короля Августа III, 5 октября 1763 года, доказала,

что разрѣшеніе этого вопроса не было преждевременно. Въ ноябрѣ того же 1763 г. Н. И. Панинъ былъ назначенъ членомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, на него возложены сношенія съ дипломатическимъ корпусомъ; изъ перваго его разговора съ англійскимъ посломъ обрисовываются отношенія обоихъ правительствъ; Букингамъ добивается одного: заключенія выгоднаго торговаго трактата, Панинъ предвидитъ трудности въ Польшѣ, боится усиленія французской партіи въ Швеціи, опасается объявленія войны Турціею и пытается обезпечить Россію содѣйствіемъ, хотя бы денежнымъ, со стороны Англій, но все это усложняетъ дѣло союза и переговоры тянутся безуспѣшно. Между тѣмъ Россія приобретаетъ другаго болѣе знаменательнаго для нея, по сосѣдству и энергіи, союзника въ лицѣ Фридриха II. 31 марта 1764 г. заключается союзъ съ Пруссіей и обстоятельство это, конечно, не остается безъ вліянія на сношенія наши съ Англіей; Букингамъ перестаетъ упоминать въ своихъ депешахъ о торговомъ трактатѣ, онъ передаетъ извѣстіе о бунтѣ Мировича, сообщаетъ полученное имъ свѣдѣніе, что Порта готовится къ войнѣ съ Россіею, вслѣдствіе увѣренія австрійскаго и французскаго посланниковъ, что Императрица Екатерина сочетается бракомъ съ Станиславомъ Понятовскимъ, увѣдомляетъ о возвращеніи въ Петербургъ княгини Дашковой, о милостяхъ Императрицы къ семейству Орловыхъ и т. п.

Въ сентябрѣ 1764 г. Букингамъ снова имѣлъ продолжительный разговоръ съ Панинымъ, касавшійся впрочемъ почти исключительно Швеціи и Даніи и средствъ къ устраненію въ этихъ государствахъ вліянія Франціи, о торговомъ договорѣ болѣе упоминаемо не было и весьма быть можетъ, что это молчаніе было одною изъ главныхъ причинъ отозванія Букингамъ. Прощаясь съ графомъ Григоріемъ Орловымъ, онъ просилъ его сохранить расположеніе къ сближенію между Россіею и Англіею, указавъ на Воронцова, Голицына и Теплова какъ на главныхъ приверженцевъ Франціи; Орловъ подтвердилъ правильность этого взгляда.

Мѣсто Букингамъ занялъ сэръ Джоржъ Макартней, сдѣлавшійся впоследствии извѣстнымъ своею умною, энергическою дѣятельностью въ Гренадѣ, въ Индіи, своимъ посольствомъ въ Китай и ин-

тересными объ этихъ странахъ сочиненіями. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ самомъ началѣ 1765 года. Не смотря на то, что ему не было еще 28 лѣтъ, Макартней уже объѣхалъ значительную часть Европы, былъ выбранъ въ члены палаты общинъ, понравился графу Сандуичу, который, управляя въ то время иностранными дѣлами, предложилъ ему мѣсто посланника въ Петербургъ. Инструкціи, данныя Макартней при отъѣздѣ изъ Лондона, обращали его особенное вниманіе на заключеніе торговаго трактата. Ознакомясь съ главными дѣтелями и порядками, Макартней убѣдился, что дѣло о трактатѣ не двинется, покуда будетъ валяться въ канцеляріяхъ и комиссіяхъ, вызывающихъ строгое съ его стороны осужденіе. Ему удалось уговорить Панина взять дѣло въ собственныя руки, а вслѣдъ за тѣмъ, 8 августа, Макартней донесъ своему правительству, что хотя предложенныя ему условія и не буквально отвѣчали полученнымъ на этотъ предметъ инструкціямъ, но что признавая ихъ болѣе выгодными, чѣмъ того ожидали англійскіе купцы, имѣя въ виду, что условія эти составляютъ крайній предѣлъ уступокъ русскаго правительства и считая необходимымъ воспользоваться обстоятельствами, которыя легко могутъ измѣниться, онъ рѣшился подписать предложенныя ему условія торговаго трактата. Одновременно Макартней доносить, что, говоря объ оборонительномъ союзѣ, Панинъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ его заключенія помощь отъ Англій въ случаѣ войны съ Турціею, что по мнѣнію великобританскаго кабинета было немыслимо; вмѣстѣ съ тѣмъ Макартней увѣдомлялъ, что Фридрихъ II чрезъ посланника своего, графа Сольмса, всячески противудѣйствовалъ сближенію Россіи съ Англіею; все это, по его мнѣнію, оправдывало поспѣшность, съ которою онъ подписалъ торговый договоръ, не теряя двухъ или трехъ мѣсяцовъ на предварительную отсылку его въ Лондонъ. Но такая рѣшимость не удостоилась одобренія, въ первыхъ числахъ октября Макартней получилъ отъ герцога Графтона, замѣнившаго лорда Сандуича, депешу не только выражавшую неудовольствіе короля и кабинета, но отказывавшую въ ратификаціи, если не будетъ сдѣлана русскими уполномоченными особая декларация, разъяснявшая нѣкоторыя выраженія трактата. Въ декларациі этой было отказано Импера-

трицею на отрѣзъ. Панинъ объявилъ, что трактатъ будетъ уничтоженъ и англійскіе купцы лишены привилегій; испуганный этимъ объявленіемъ Макартней всячески склонялъ свое правительство на податливость, тѣмъ болѣе, что требуемая имъ измѣненія не содержали ничего существеннаго, а выражали лишь опасенія, что Россія истолкуеть со-временемъ трактатъ въ невыгодномъ для Англій смыслѣ. Раздосадованный этими препятствіями, Макартней въ донесеніяхъ своему правительству не знаетъ на кого свалить вину: «все это» пишетъ онъ, «происходитъ отъ недостаточнаго знакомства двухъ націй; въ Петербургѣ думаютъ, что англійскому королю довольно издать указъ для исполненія своихъ желаній, а въ Лондонѣ полагаютъ, что Россія просвѣщенная страна, тогда какъ здѣсь ни одинъ министръ не понимаетъ полатыни и весьма немногіе имѣютъ лишь начальныя свѣдѣнія въ литературѣ», и далѣе: «меня и Панинъ и Воронцовъ увѣрили, что Бестужевъ при Императрицѣ Елисаветѣ подписывалъ трактаты, не имѣя уполномочія отъ Государыни. Да и о какихъ же успѣхахъ международнаго права можетъ быть рѣчь въ странѣ, гдѣ нѣтъ университета». Въ другой разъ, жалуясь на непоколебимое упорство русскаго правительства, онъ объяснялъ его чрезмѣрными успѣхами русской политики. Пруссія принуждена была заключить съ Россіею союзъ на весьма выгодныхъ для послѣдней условіяхъ. въ Швеціи на сеймѣ 1766 года русская партія взяла верхъ надъ французской, Польша подчинена всецѣло, Данія повинуется видамъ Россіи въ надеждѣ содѣйствія къ обмѣну герцогства Голштинскаго на Ольденбургъ и Дельменгоретъ. Въ припадкѣ досады, умный Макартней не замѣчаетъ, что его осужденіе составляетъ лучшую похвалу этой неподатливой политики, представителемъ которой является непоколебимый Панинъ. Въ августѣ 1766 года, т. е. ровно чрезъ годъ послѣ первоначальнаго подписанія трактата, дѣло уладилось, англичане удовольствовались самымъ ничтожнымъ добавленіемъ въ текстѣ и, высылая изъ Лондона ратификаціи, сэръ Конуэ, замѣнившій герцога Графтона, выразилъ лишь Макартнею удивленіе о настойчивости и высокоуміи русскихъ министровъ, вмѣстѣ съ тѣмъ Макартней получилъ увѣдомленіе, что король, желая доказать Императрицѣ искренность своего располо-

женія, рѣшилъ отправить къ двору Ея чрезвычайнаго и уполномоченнаго посла. Лѣто 1766 г. Макартней проводилъ въ Стрѣльнѣ и, по случаю пребыванія двора въ Петергофѣ, часто видался съ Панинымъ. Разговоръ между ними не рѣдко касался союза между Россією и Англією, но Панинъ неизмѣнно заявлялъ, что однимъ изъ условій должна быть помощь Англіи въ случаѣ нападенія на Россію со стороны Турціи, и разговоръ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Не возвращаясь болѣе къ этому вопросу, Макартней увѣдомляетъ свой дворъ о польскихъ дѣлахъ, о томъ что Императрица путешествуетъ по Волгѣ, занимается сочиненіемъ знаменитаго наказа, причемъ членъ англійскаго парламента выражаетъ мало довѣрія къ имѣющей собраться толпѣ христіанскихъ, магометанскихъ и языческихъ депутатовъ, выражая надежду, что занятія ихъ отвлекутъ русское правительство отъ вмѣшательства въ политическія дѣла Европы. Въ февралѣ 1767 г. снова заходитъ рѣчь о союзѣ, но турецкій вопросъ опять дѣлаетъ рѣчь бесплодною. Весною того же года Макартней вернулся въ Англію и вскорѣ по возвращеніи напечаталъ книгу подъ заглавіемъ «an Account of Russia». Въ предисловіи авторъ говоритъ, что на его «Отчетъ о Россіи» слѣдуетъ смотрѣть какъ на альманахъ за 1767 годъ, но въ дѣйствительности сочиненіе это, кромѣ географическихъ, статистическихъ, историческихъ, финансовыхъ, административныхъ свѣдѣній, содержитъ нѣсколько интересныхъ взглядовъ автора, доказывающихъ какъ внимательно онъ наблюдалъ за всѣмъ его окружавшимъ въ теченіе двухъ лѣтъ, проведенныхъ въ этой странѣ. Россія, по его выраженію, должна быть разсматриваема Европою не какъ отдаленная слабая звѣзда, а какъ большая планета, вдвинувшаяся въ Европейскую систему, не опредѣлившая еще своего мѣста, но движеніями своими сильно вліяющая на тѣла, окружающія ее. Говоря о народномъ характерѣ, Макартней выражается такъ: «простой народъ не особенно трудолюбивъ, но крѣпко сложенъ и мужественъ, терпѣливо переноситъ крайній жаръ, холодъ и въ особенности голодъ; онъ лѣнивъ, равнодушенъ и поддается чувственнымъ удовольствіямъ пьянства и обжорства. Русскій человѣкъ гостепріименъ, щедръ, вообще добръ и отнюдь не жестокъ. Онъ очень

смѣтливъ и понятливъ, расположенъ къ насмѣшливости и всякое дѣло дѣлаетъ весьма ловко и искусно. Къ сожалѣнію суевѣріе и упорная приверженность къ закоренѣлымъ предразсудкамъ обезсиливаютъ его трудъ». Такой мѣткій отзывъ Макартнея о простомъ народѣ, съ которымъ онъ по положенію своему почти не былъ въ сношеніяхъ, придаетъ цѣну другимъ его сужденіямъ, особливо относительно самой Императрицы, отъ которой исходили главныя препятствія къ достиженію задушевной цѣли Макартнея — заключенію трактата — и о которой несмотря на то депеши его полны самыхъ хвалебныхъ замѣчаній. Раздраженіе, вызванное неуспѣхомъ, различіе воспитанія, привычекъ, взглядовъ, не рѣдко заставляетъ крутаго во всю свою жизнь англичанина рѣзко осуждать лицъ, окружавшихъ Императрицу; подчасъ достается самому Панину, выступающему, впрочемъ, постоянно побѣдителемъ въ сношеніяхъ съ Макартнеемъ; но, вникая ближе въ сущность его отзывовъ, приходится сознаться, что несмотря на свою строгость, судъ надъ лицами, окружавшими Императрицу Екатерину II въ первые годы Ея царствованія, не лишень основанийъ справедливости. Великій характеръ Екатерины и великія событія, этимъ характеромъ ослѣпленныя, еще не вызвали тѣхъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей, имена коихъ украшаютъ послѣдующіе годы Ея царствованія, одинъ Панинъ уже теперь отдѣляется отъ толпы льстивыхъ царедворцевъ.

Пресмникомъ Макартнея былъ назначенъ лордъ Каскартъ, но онъ пріѣхалъ въ Петербургъ только лѣтомъ 1768 г., до того времени посольствомъ управлялъ Ширлей, который по усердію, свойственному лицамъ временно несущимъ обязанности, пишетъ весьма пространно: онъ сообщаетъ объ открытіи комиссіи депутатовъ, не ожидая ничего путнаго отъ этой пестрой и невѣжественной толпы, онъ постоянно жалуется на происби Фридриха II, силящагося представить Англію въ глазахъ русскаго правительства въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, передаетъ весьма любопытныя подробности разговоровъ своихъ съ Панинымъ по предмету все не улаживающагося союза Россіи съ Англіею, описываетъ положеніе придворныхъ партій, поведеніе Чернышевыхъ, Орловыхъ, Разумовскаго, Дашковой и, говоря о самой Императрицѣ, выражается

такъ: «надо признаться, что она разумѣетъ способъ управлять своими подданными лучше чѣмъ можно было ожидать отъ иностранной принцессы. Она такъ близко знакома съ ихъ духомъ и характеромъ, и такъ хорошо употребляетъ эти свѣдѣнія, что для большей части народа счастье его кажется зависящимъ отъ продолжительности ея царствованія. Удивительно какія трудности ей пришлось преодолѣть».

Въ концѣ іюля 1768 г. пріѣхалъ новый посоль лордъ Каскартъ. Послѣ свиданья съ Панинымъ онъ передаетъ произведенное на него впечатлѣніе слѣдующимъ образомъ: «Панинъ положительно стоитъ во главѣ управленія Имперіею.... Его рѣчь замѣчательно медленна, объясненія подробны, предложенія настойчивы, хотя онъ имѣетъ достаточно самообладанія для того, чтобы вести споръ и выслушивать противоположныя мнѣнія, если только они прилично поддержаны.... Словомъ, я рѣдко видѣлъ человѣка, съ которымъ, по мнѣнію моему, я бы могъ вести дѣло такъ довѣрчиво, благопріятно.... Это олицетвореніе правдивости».

Императрицѣ лордъ Каскартъ былъ представленъ во время торжества закладки Исакіевскаго собора, тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ ему удалось еще видѣть смотръ кадетскаго корпуса, придворный балъ, Смольный монастырь, маневръ нѣсколькихъ полковъ, засѣданіе комиссіи депутатовъ, которое онъ описываетъ весьма подробно, дивясь преобладанію въ ней военнаго элемента, отсутствующаго въ англійскомъ парламентѣ. Императрица поразила Каскарта разнообразіемъ своихъ свѣдѣній, своею неутомимою дѣятельностью: «каждое утро ранѣе пяти часовъ она уже за работою, пишетъ Каскартъ; она болѣе чѣмъ кто-либо въ цѣломъ свѣтѣ способна вести такую сложную машину. Наружность Императрицы поражаетъ невыразимымъ, неизмѣримымъ достоинствомъ; она привѣтлива, спокойна, милостива и внимательна ко всякому».

Около этого времени пріѣхалъ изъ Англій докторъ Димсдаль для привитія оспы Императрицѣ, лордъ Каскартъ сообщаетъ о ходѣ этой операціи столь обычной теперь, но живо интересовавшей въ то время всѣхъ по новизнѣ своей. Впечатлѣнія Димсдаля